

С. В. ЕРЕМИН

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (1930-е – 1941)

В межвоенный период информационно-пропагандистская деятельность становится эффективным инструментом международной дипломатии советского правительства. Система внешнеполитической пропаганды не могла действовать эффективно без информации о внешней и внутренней политике других стран. Благодаря введению в научный оборот документальных источников появляется возможность представить формы, методы получения и использования зарубежной информации советскими партийно-государственными структурами в 1930-е–1941 гг.

Ключевые слова: пропаганда, дипломатия, Бюро международной информации, Коммунистический Интернационал, Телеграфное Агентство Советского Союза.

В межвоенный период, информационно-пропагандистская деятельность становится эффективным инструментом международной дипломатии советского правительства. Для того чтобы система внешнеполитической пропаганды могла действовать эффективно, люди, причастные к ее организации, должны были обладать необходимой информацией о внешней и внутренней политике других стран. Не все способы и методы получения такого рода информации известны и поныне, но благодаря введению в научный оборот ранее не известных документальных источников данный сюжет стал все более конкретизироваться и проясняться.

Ответственные задачи по сбору и анализу зарубежной информации для высшего руководства страны были возложены на Бюро международной информации ЦК ВКП(б). БМИ должно было, согласно постановлению Политбюро от 16 мая 1932 г., использовать материалы всех наличных учреждений, работавших над экономическими, политическими и военными проблемами капиталистических стран, давать им задания, «заказывать работы знатокам вопросов»¹. Однако ввиду отсутствия доступа к источникам, которые могли бы подтвердить практическую деятельность БМИ, этот вопрос остается пока не изученным.

Особенно тщательно скрывало свои контакты в зарубежных странах руководство Коминтерна. ИККИ получал часть поступавшей из советских полпредств за рубежом информации, в первую очередь, так или иначе касавшейся коммунистических партий. Помимо этого, среди пер-

---

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа... 2001. С. 282.

сонала торговых представительств, банков и советских экспортно-импортных фирм, которые работали под контролем полпредств, имелась постоянно повышавшаяся квота на местных сотрудников из числа коммунистов и им сочувствовавших².

Советские дипломаты постоянно вели целенаправленную политику в отношении зарубежной прессы. Однако, в отличие, например, от своих британских, германских или французских коллег, сотрудники советского внешнеполитического ведомства не всегда имели достаточно широкие круги политических, светских и дружеских знакомств, что затрудняло доступ к необходимой информации. Хотя число сочувствующих СССР на Западе несколько возросло после вступления его в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.) и подписания дружественного договора с Францией (май 1935 г.), враждебное отношение к Советскому Союзу оставалось там довольно сильным³. Лишь при благоприятной конъюнктуре советским дипломатам удавалось сформировать собственную эффективную сеть информаторов. Установление нормальных дипломатических отношений между СССР и соответствующей страной позволяло им обеспечивать себе, при опоре на симпатии со стороны различных кругов, источники информации и возможности для оказания влияния. В этом плане с середины 1930-х гг. приоритет принадлежал Парижу. По словам Н.Г. Пальгунова, именно в Париже накануне войны «не только скапливалась мировая информация, но и творилась мировая политика»⁴.

В поле советских интересов попали: Ж. Табуи («Эвр»), располагавшая обширным кругом знакомств среди политиков и дипломатов; хроникер «Эко де Пари» Пертинакс (Андре Жеро); внешнеполитический обозреватель агентства Гавас Ф. Килиси; глава «Эр нувель» Л. Габорио; главный редактор «Пти журнал» А. Малле; внешнеполитический обозреватель К. Валле. Все они регулярно посещали советское полпредство в Париже, стремясь добыть там информацию и, соответственно, принося туда интересные для полпреда сведения. Именно через призму взглядов этих представителей правого («Эко де Пари», «Пти журнал») и радикального («Эвр», «Эр нувель») крыла парижской политической прессы советское полпредство воспринимало политическую жизнь Франции, атмосферы и тенденции, существовавшие в МИДе Франции. Вместе с тем, М.М. Литвинов не доверял сведениям, поступавшим от Ж. Табуи, которую полпредство нередко упрекало в болтовне и недостаточно критическом подходе к информации.

---

² Dullin. 2001. P. 160.

³ Ibid. P. 151, 167.

⁴ Пальгунов. 1964. С. 122.

В целом, политическое влияние Ж. Табуи и Пертинакса, которое признавали за ними советские дипломаты, явно льстило этим французским журналистам. Стремившиеся к признанию общества и политического истеблишмента, они высоко оценивали собственную значимость⁵.

Важную роль во внешнеполитической пропаганде играли отделы печати, имевшиеся в каждом полпредстве СССР за рубежом. Сотрудники этих отделов стремились повлиять на западную прессу и с этой целью расширяли контакты с зарубежными журналистами. Для этого НКВД располагал специальными фондами, размер которых определялся Политбюро ЦК ВКП(б), а средства поступали из резервного фонда СНК СССР. Парижское полпредство имело в своем распоряжении 60-65% от общей суммы упомянутых секретных фондов. В 1935 г. специальный бюджет, предназначавшийся для французской прессы, составлял свыше 110 тыс. франков в месяц. Больше всего (4000 франков) получала газета «Тан», близкая к МИДУ Франции. Радикальным «Эвр» и «Эр нувель» перечислялось по 10000 франков ежемесячно. В 1936 г. регулярные субсидии от советского полпредства получали 17 органов французской печати. Кроме того, деньги выделялись и на индивидуальные субсидии известной журналистке Ж. Табуи и писателю Р. Роллану.

Руководство НКИДа, не желая останавливаться на достигнутом, считало возможным приобрести влияние на большинство французских газет, в том числе на одну из наиболее враждебных СССР «Матэн». Однако средства, выделяемые полпредствам, не позволяли выйти за пределы сравнительно узкого круга контактов⁶.

По свидетельству Е.А. Гнедина, прямого отношения к сбору внешнеполитической информации для руководства СССР возглавлявшийся им Отдел печати НКВД не имел. Однако, располагая сильным радиоприемником, вместе со своим заместителем Г.Н. Шмидтом он принимал передачи западных информагентств, предназначавшиеся для своей корреспондентской сети. Самое важное включалось в сводку, вызывавшую интерес «в верхах». В тот период существовали «белый ТАСС» (материал для печатания) и «красный ТАСС» (сводка телеграмм не для печатания). М.М. Литвинов часто направлял Е.А. Гнедину «красные» сводки, в которых было помечено, что именно можно публиковать. В начале 1939 г. существовал перечень членов Политбюро ЦК ВКП(б), которым посылались ежедневные сводки наиболее интересных телеграмм иностранных корреспондентов. Таким образом, далеко не все члены Политбюро и

---

⁵ Dullin. 2001. P. 152-154, 159.

⁶ Ibid. P. 168-169, 171-172.

правительства получали полную внешнеполитическую информацию. Что касается сотрудников НКВД, то они были, по свидетельству Гнедина, лишены элементарной информации подобного характера⁷.

В начале 1930-х гг. М.М. Литвинов высказал убеждение, что бюллетени ТАСС мало что могли сказать «о сложных проблемах дипломатического характера». Однако мнение наркома несколько изменилось после того, как ему удалось добиться от Я.Г. Долецкого назначения представителями Телеграфного агентства СССР за границей компетентных журналистов, одним из которых являлся В.П. Кин (Сурувикин). В 1934 г. Кин возглавил отделение ТАСС в Париже. К этому времени он свободно владел французским языком⁸.

М. Чарный, работавший помощником В. Кина в Париже, так описывал порядок отбора информации, которая извлекалась из парижской периодической печати, а затем направлялась в Москву. Втроем (вместе с ними работал француз по фамилии Газо) сотрудники парижского бюро ТАСС просматривали за день порядка 60-ти газет и журналов. В ходе просмотра прессы отмечалось, на их взгляд, самое важное, делались вырезки, которые распределялись по темам, в числе которых выделялись международные. Кин довольно быстро овладел тонкостями французского политического языка (пресса Франции отличалась большим многообразием не только с точки зрения тематической, но и по стилю изложения материала). Это позволяло ему легко «расшифровывать» как прямые высказывания, так и намеки, скрытое иносказание, полемическую казуистику. Собрав воедино все вырезки из газет, заметки, которые они делали по ходу чтения, В. Кин и М. Чарный переходили к следующему этапу работы. Они печатали корреспонденции, которые направлялись в Москву. Большинство корреспонденций отправлялось по телеграфу, поэтому кириллический текст приводился в латинской транскрипции. Позднее была налажена телефонная связь между Парижем и Москвой, что ускорило передачу информацию непосредственно в ТАСС⁹. Н.Г. Пальгунов, сменивший в 1936 г. В. Кина в парижском представительстве ТАСС, впоследствии вспоминал: «В Париже насчитывалось свыше 600 корреспондентов различных иностранных телеграфных агентств, агентств прессы, радиокompаний, газет, журналов – со всех концов мира. Информации в Париже было много и чисто французской, и международной»¹⁰.

---

⁷ Гнедин. 1981-1982. С. 378.

⁸ Всегда по эту сторону... С. 65.

⁹ Всегда по эту сторону... С. 201-231.

¹⁰ Цит. по: Пальгунов. 1964. С. 151.

Раз в неделю общественная организация «Аккёй франсез» приглашала журналистов на коктейль в компании французских государственных и общественных деятелей. На таких коктейлях кто-либо из виднейших людей страны для разъяснения политики правительства выступал перед журналистами с короткой, но обычно содержательной речью, после чего завязывалась беседа. Полезные сведения корреспонденты информационных агентств, в том числе ТАСС, могли почерпнуть и будучи приглашенными на чай к министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. Французский МИД регулярно устраивал для них пресс-конференции¹¹.

Помимо перечисленных источников информации имелся еще один: регулярно пересылаемые журналистам, как и редакторам иностранных газет, бюллетени отделов печати и пресс-бюро эмигрантских организаций, объединявших политических беженцев из нацистской Германии.

С началом Второй мировой войны информация из Парижа могла направляться корреспондентом ТАСС только по телеграфу на французском языке, и лишь после просмотра ее цензурой¹².

14 декабря 1940 года Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков направили Г.Ф. Александрову докладную записку под заголовком «Иностранная информация ТАСС», в которой изложили свои «заключения и выводы» по данному вопросу¹³. В докладной записке, в частности, перечислялись четыре основных канала получения такого рода информации:

1. По радио (с помощью аппаратов Хэлл и Морзе) от агентств Рейтер, ДНБ, Гавас, Стефания и других. В среднем она составляла порядка 300 листов в день (50% от всех получаемых из-за рубежа материалов); из этого количества использовалось лишь от 30 до 50%.

2. Телеграфная корреспонденция от этих же агентств (60 листов ежедневно, т.е. 10% от общего поступления); эффективность использования 100%. Телеграфная корреспонденция корреспондентов ТАСС за рубежом составляла 150 листов (25% от всего информационного потока); из нее использовалось 50-60%.

3. Телефонная связь с собственными корреспондентами Телеграфного Агентства СССР, работавшими в Берлине, Праге, Белграде, Софии, Бухаресте и в других европейских столицах. Телефонных корреспонденций редакция ИНО ТАСС получала в среднем 150 листов в день (25% от общего поступления), а использовалось из нее 70%.

4. Радиоперехваты (20-25 листов в день)¹⁴.

---

¹¹ Там же. С. 152, 180-181.

¹² Там же. С. 193.

¹³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д.10. Л.157.

¹⁴ Там же. Л. 158.

В 1939 г. прослушивалось 30 различных радиопередач. К этой работе было привлечено 16 сотрудников ИККИ¹⁵. В подавляющем большинстве такой материал не представлял никакого интереса. Отсутствовала редакционная обработка его и необходимый отбор. «Этот материал используется мало», – комментировали Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков.

Служебные бюллетени ТАСС, отмечали они в своей докладной записке «Иностранная информация ТАСС», постоянно росли по своему объему (в среднем, один бюллетень составлял от 100 до 130 листов). Рост объема ежедневного бюллетеня происходил не только за счет увеличения корреспонденций, принятых по телефону и телеграфу от журналистов ТАСС, но и благодаря опубликованию радиопередач, принятых на слух. Последние занимали в среднем от 20-ти до 30-ти листов (с общим количеством заметок от 40 до 70-ти). Однако колоссальные объемы служебных бюллетеней не способствовали повышению качества содержащейся в них информации¹⁶. До 90% ее составляли телефонные и телеграфные передачи от собственных корреспондентов, т.е. пересказ газетных сообщений, официальной информации. При этом значительное место занимали радиопередачи, материалы, принятые по телефону и по телеграфу, заимствованные у ДНБ, Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс, Рейтер, Стефани, а также материалы из германских и румынских газет.

По этому поводу Пальгунов и Кружков делали следующее заключение: «По существу, и бюллетени ТАСС в целом, и большинство корреспондентов ТАСС за границей представляют собой всего лишь рупор иностранной пропаганды – иностранных агентств и газет». Кадры зарубежных корреспондентов ТАСС в большинстве имели слабую журналистскую подготовку либо совсем ее не имели, плохо знали язык страны пребывания. В силу этого поступающий от них материал очень часто был низкого качества. Например, из Берлина поступало много информации, но отсутствовал ее серьезный отбор: количество превалировало над качеством. «Вообще от корреспондентов [ТАСС] очень мало поступает ценного материала с серьезным анализом, например, внутривосточного положения в стране и т.д.»¹⁷. Аналогичные недостатки были присущи и бюллетеням информации, не подлежащей оглашению¹⁸.

В целом, вывод Н.Г. Пальгунова и В.С. Кружкова об иностранной информации Телеграфного агентства СССР сводился к следующему: «Передаваемая ТАСС³ ом в печать иностранная информация по необхо-

---

¹⁵ Гасюк. 2008. С. 127.

¹⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д.10. Л.159.

¹⁷ Там же. Л. 160.

¹⁸ Там же. Л. 162.

димости представляет собой вид “документированной информации” и оперирует в основном материалами, почерпнутыми из официальных и официозных иностранных источников, а также и из иностранной печати. Задача ТАСС сводится к достаточно искусному использованию этих материалов, с соблюдением всех тех особенностей, которые проистекают из проводимой правительством СССР политики мира и нейтралитета. Дается обильная информация о ходе военных действий на всех фронтах войны. Сами заинтересованные в нынешней войне стороны признают абсолютную объективность этой информации. Заметно, однако, в указанной информации отсутствие сообщений о настроениях народных масс, забастовочной борьбе рабочего класса, слабо освещается положение рабочего класса капиталистических стран и т.д.»¹⁹.

Выше уже отмечалось, что большинство корреспондентов ТАСС за границей, назначенных после политических репрессий, не отвечали требованиям, предъявляемым к журналистам-международникам. Понятно, что такие корреспонденты присылали мало информационных материалов, поскольку были всецело зависимыми от переводчиков-иностранцев. Качество подобного рода материалов также оставляло желать лучшего²⁰.

Как указывалось в докладной записке сотрудников секретного отдела ТАСС Пащенко и Разинкова от 18 декабря 1940 г., направленной в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ежедневно корреспонденты ТАСС, работавшие в одних странах, посылали информацию о событиях в других странах, дублируя ее по нескольку раз. В результате впустую тратилась валюта, уплачиваемая за телеграммы, а также излишне загружался аппарат Иностранной редакции в Москве. Иностранная информация ТАСС в большинстве случаев представляла собой перевод (порой не совсем верный) статей и сообщений из иностранных газет и, как правило, начиналась со стандартной формулировки: «Как сообщает корреспондент Юнайтед Пресс...». «Собственная оригинальная информация почти совершенно отсутствует», – делали вывод Пащенко и Разинков. В результате огромные расходы в валюте, отпускавшиеся для корреспондентских пунктов ТАСС за рубежом, себя не оправдывали²¹.

Референты Иностранной Комиссии ССП не имели специального допуска для чтения зарубежной литературы, но существовала договоренность с Главлитом о допуске их к чтению такого рода литературы. Редакция русскоязычного издания собирала «материалы литературного порядка» из иностранной прессы. Информационный архив Иностран-

¹⁹ Там же. Лл. 164-165.

²⁰ Там же. Д. 57. Л. 38

²¹ Там же. Л. 41.

ной Комиссии ССП достигал большого объема: рефераты и другие материалы тщательно обрабатывались и подытоживались. Они представляли собой большую ценность, но использовались мало, поскольку их содержание не подлежало оглашению, а хранение и допуск к ним не были оформлены соответствующим образом²².

Полученная по дипломатическим каналам, через корреспондентов ТАСС, путем радиоперехвата сотрудниками ИККИ информация перед публикацией ее в СССР и зарубежных СМИ тщательно отбиралась и отсеивалась. 31 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило правила обращения с секретными докладами и сообщениями БМИ. Те, кто получал эти материалы, имели право знакомить с их содержанием лишь узкий круг членов ВКП(б), которым они были необходимы по роду работы²³. Руководство НКИДа постоянно сталкивалось с «цензорами» ЦК ВКП(б), т.е. функционерами, ведавшими печатью и издательской политикой. В то же время между Отделом культуры и пропаганды ЦК и Отделом печати НКИДа существовало своеобразное разделение ролей. Отдел печати зачастую выступал с апологетическими публикациями в адрес М.М. Литвинова, а партийные «цензоры» не упускали случая раскритиковать его сотрудников за политическую небрежность и ошибки²⁴. Реальным и постоянным было влияние ЦК ВКП(б) и НКИД на деятельность печатных органов ИККИ, которое принимало главным образом организационные формы. Так, в 1937–39 гг. заведующему Отделом печати наркомата иностранных дел Е.А. Гнедину регулярно присылались на просмотр гранки номеров журнала «Коммунистический Интернационал». При этом ответственный редактор журнала О.В. Куусинен, как правило, без оговорок принимал все редакционные замечания Гнедина²⁵.

О непростых отношениях между Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отделом печати НКИДа и редколлегией журнала «Коммунистический Интернационал» свидетельствует докладная записка ответственного секретаря журнала Я.Ц. Мирова-Розкина от 3 февраля 1941 г., направленная Г.М. Димитрову. 5 февраля Димитров переслал ее А.А. Жданову со следующим комментарием: «Посылая Вам записку ответственного секретаря редакции нашего журнала [...] насчет просмотра материала журнала в отделе печати НКИД, считал бы – как я уже по этому поводу с Вами говорил – очень нужным упорядочить работу по просмотру журнала, чтобы в будущем не создавались имеющиеся до сих

---

²² Там же. Д. 32. Л. 128.

²³ Большая цензура... 2005. С. 276.

²⁴ Dullin. 2001. P. 79-80.

²⁵ Гнедин. 1981-1982. С. 366.

пор место лишние затруднения и несуразности. Самым большим облегчением для редакции журнала, а также для товарищей, которые обязаны просматривать журнал, было бы своевременно знать основные установки, о том, *что и как*²⁶ в данный момент надо бы избегать писать, чтобы редакция могла это учесть при составлении и обработке материалов для данного номера журнала»²⁷. По словам Мирова-Розкина, редколлегия журнала «Коммунистический Интернационал» стремилась добиться в своей работе наибольшей согласованности с Отделом печати НКВД, считая это в нынешних условиях одной из своих важнейших задач. Однако, судя по его письму, понимания со стороны этого органа внешнеполитического ведомства, добиться не удалось.

Претензии редколлегии русскоязычного издания журнала к заведующему Отделом печати НКИДа Н.Г. Пальгунову состояли в следующем. Во-первых, его материалы подолгу задерживались и не публиковались. Задержки порой достигали 10 дней. Случалось, что работа в редакции над очередным номером уже заканчивалась, а Отдел печати НКИДа так и не возвращал после просмотра ни одной статьи. Это обстоятельство, подчеркивал Я.Ц. Миров-Розкин в своей докладной записке на имя Г.М. Димитрова, не только задерживало работу редакции журнала, но и ставило ее в затруднительное положение, поскольку она до последнего момента не ведала, что именно «пойдет в номере, и какие сокращения будут проведены в каждой статье», а, следовательно, не имела возможности «составить окончательной разметки номера». Более того, готовый к публикации материал подвергался двойному просмотру. После визирования каждой статьи весь номер в сверке, по предложению Пальгунова, снова отправлялся в Отдел печати. Миров-Розкин просил внести ясность «в вопрос о том, что можно и чего нельзя давать в журнале»²⁸. 8 февраля 1941 г. Г.Ф. Александров сообщил А.А. Жданову о том, что Управлению пропаганды и агитации ЦУК ВКП(б) удалось договориться с Пальгуновым и Димитровым о порядке просмотра журнала «Коммунистический Интернационал» в отделе печати НКИДа²⁹.

В период политических репрессий, по мнению Е.А. Гнедина, Отдел печати НКИДа больше влиял на освещение международной ситуации в советской прессе, чем в предыдущие годы. Это объяснялось тем, что из редакций ряда газет исчезли многие квалифицированные специалисты по международным вопросам, а «оставшиеся были подавлены и осто-

²⁶ Подчеркнуто в тексте документа. – С.Е.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 61. Л. 10.

²⁸ Там же. Лл. 12-13.

²⁹ Там же. Л. 15.

рожны». Редакции (кроме газеты «Правда») стали систематически посылать на просмотр в Отдел печати НКВД свои материалы, прислушиваясь к предложенным советам его сотрудников. Согласно оценке Гнедина, полезным инструментом в деятельности этого структурного подразделения являлся еженедельник «Журналь де Моску»³⁰.

Как отмечали в своей докладной записке «Иностранная информация ТАСС» (от 14 декабря 1940 г.) Пальгунов и Кружков, существовала многоступенчатая система прохождения и обработки поступающего из-за границы материала. Он проходил через следующие инстанции: Секретариат Инотасс; выпускающий; заведующий территориальным сектором; редактор в секторе; заведующий территориальным сектором; выпускающий; заведующий редакцией; ответственный руководитель ТАСС; ротаторская, корректура и т.д.; экспедиция. В результате обработка и доведение до экспедиции одного листа информации занимала в лучшем случае 2,5—3 часа³¹. Вслед за получением и тщательным отбором информации на международные темы наступал этап ее распространения в СССР и за границей. Процесс доведения ее до советской и иностранной аудитории являлся, по сути, важнейшим в деятельности всей системы внешнеполитической пропаганды.

В 1930-е гг. советская периодическая печать активно использовалась для ведения внешнеполитической пропаганды. Так, сталинское руководство использовало страницы газеты «Правда» не только для официальной трактовки внешнеполитического курса, но и для публикации в газете передовых статей без подписи, авторство или редактирование которых принадлежало И.В. Сталину, В.М. Молотову либо А.А. Жданову. Так, в «Правде» была опубликована статья³², текст которой был подготовлен Ждановым и отредактирован Сталиным; она явилась своеобразным сигналом для развертывания в сентябре 1939 г. антипольской кампании в преддверии и в ходе «освободительного похода» Красной армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию³³. 23 августа 1940 г. в «Правде» появилась передовая статья «Годовщина советско-германского пакта». Текст ее был подготовлен сотрудниками газеты и опубликован после того, как И.В. Сталин внес в него свои поправки³⁴.

Статьи в «Правде» служили задаче формирования мнения о внешней политике СССР внутри страны, но порой они содержали намеки и

³⁰ Гнедин. 1981-1982. С. 381-383.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 164.

³² О внутренних причинах военного поражения Польши...

³³ Невежин. 2007. С. 159-160.

³⁴ СССР – Германия: 1933—1941. Док. №195.

предложения, адресованные непосредственно руководству иностранных государств. В таких случаях печатались материалы, которые могли не совпадать с официально провозглашенной Кремлем политикой. Так, в редакционной статье «К международному положению», опубликованной в «Известиях» 11 мая 1939 г., в условиях, когда Москва проводила зондаж о возможности достичь взаимопонимания с нацистской Германией, содержалось утверждение о том, что СССР не имеет пактов взаимопомощи с Англией и Францией. Между тем, франко-советский договор, заключенный в 1935 г., к тому времени сохранял свое действие³⁵.

Во второй половине 1930-х гг. возникла идея использования СМИ для того, чтобы неофициально, в завуалированном виде декларировать отношение к событиям международного плана. Инициатива в этом деле принадлежала М.М. Литвинову. 2 ноября 1936 г. он обратился к Сталину со следующей просьбой: «В области внешнеполитической пропаганды буржуазные правительства имеют перед нами то преимущество, что независимо от существующих между ними и другими государствами официальных отношений, они могут через частную прессу говорить этим государствам весьма неприятные вещи. Они этим пользуются иногда даже в отношении самых близких союзников. Советская же пресса, являющаяся правительственными или партийными органами, вынуждена к большей сдержанности в отношении стран, с которыми у нас существуют более или менее честные отношения, лишена возможности высказывать по их адресу необходимые горькие истины. Правда, некоторой свободой пользуется газета «Журналь де Моску», но она выходит только раз в неделю и поэтому не всегда может откликаться на события. Мы могли бы в некоторой мере устранить это неравенство, предложив «Известиям» и «Правде» открыть рубрику «Письма в редакцию». Такая система весьма распространена в Англии и даже в таких крупных газетах, как «Таймс», «Морнинг Пост» и «Манчестер Гардиан», весьма видное место занимает отдел «Письма в редакцию». Эта просьба была удовлетворена. 4 ноября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об открытии в «Правде» и «Известиях» отдела «Письма в редакцию»»³⁶.

Советские газеты, перепечатывавшие на своих страницах материалы на международные темы из зарубежных СМИ, должны были при перепечатке обязательно ссылаться на источник информации. Это правило было закреплено в постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) «О помещении в «Ленинградской правде» без указания источника статьи Т. Гарри

---

³⁵ Маркелов. 2004. С. 48.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп.163. Д. 163. Л.169.

Полита об Абиссинии» (8 октября 1935 г.)³⁷ и «О порядке опубликования иностранной информации» (от 10 марта 1936 г.)³⁸.

Большое значение имело действие «передаточных механизмов», которые должны были способствовать более эффективному функционированию советской периодической печати. Еще до того, как выработывалась избранная ЦК линия поведения по тому или иному вопросу, руководство пропагандистскими органами проводило производственные совещания с приглашением ведущих специалистов и с детальным обсуждением предстоящих целей и задач. На этих совещаниях обсуждалось не «что делать» (это было прерогативой ЦК ВКП(б)), а «как делать». На производственных совещаниях решался коренной вопрос: как сделать так, чтобы от предстоящей кампании получить наиболее эффективные психологические и практические результаты. Предоставлялось широкое поле инициативы и для каждого конкретного участника подобного рода совещаний, и для самих сотрудников органов периодической печати³⁹. Такого рода совещание имело место, например, 25 июня 1940 года (собрано по инициативе редакций газеты «Красная звезда», журнала «Знамя» и Оборонной комиссии ССП)⁴⁰.

Серьезные нарекания вызывали у высшей партийной инстанции случаи невыверенных публикаций ТАСС, касающихся конкретных персоналий западных политических деятелей. На сей счет, в частности, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе ТАСС» (от 22 ноября 1936 г.)⁴¹. В мае 1934 г. был регламентирован порядок выступлений в зарубежной прессе. Отныне все советские граждане, находившиеся за границей, в первую очередь, сотрудники НКВД и НКВДТ, не имели права давать интервью или делать заявления в иностранной печати без предварительного согласия полпредов. Последним вменялось в обязанность проверять содержание подобного рода выступлений⁴².

Одной из важнейших функций ТАСС было направление за рубеж информации о международных событиях. Например, во Франции такие сообщения принимались и распространялись агентством Гавас. Непосредственно французским газетам ТАСС информации не поставлял⁴³. Кроме того, ТАСС мог выступать по поручению высшего руководства с

---

³⁷ Большая цензура... С. 399-400.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 6.

³⁹ Еремин. 1999. Указ. соч. С.130.

⁴⁰ Невежин. 2007. С. 229-231.

⁴¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 828.

⁴² Dullin. P. 70.

⁴³ Пальгунов. 2001. С.193.

официальными заявлениями, давать комментарии внутри- и внешнеполитических акций Москвы. Регулярное опубликование ТАСС материалов, в которых специально оговаривалось, что изложение официальной точки зрения поручено именно ему («Заявление ТАСС», «Сообщения ТАСС», «Опровержение ТАСС») подтверждали его высокий статус⁴⁴.

Декларации, как один из методов идеологического воздействия, широко применялись сталинским руководством в конце 1930-х—начале 1940-х гг. В выступлении перед партийным активом Ленинграда (ноябрь 1940 г.) А.А. Жданов прямо призывал аудиторию следить за характером и стилем «Опровержений ТАСС», которые давали возможность лучше судить о международном положении СССР⁴⁵. Зачастую они преследовали не только пропагандистские и контрпропагандистские цели, но и зондировали руководящие круги отдельных стран на предмет ответной реакции, по которой можно было судить об их истинных намерениях⁴⁶.

В 1940 г. В.М. Молотов обратился к сотрудникам НКИДа с требованием принимать непосредственное участие в повседневной текущей пропаганде по вопросам, касавшимся международного положения, которая велась через прессу, по радио, в сети партийного просвещения. Они должны были быть хорошо информированными и ориентироваться при любых изменениях внешнеполитической ситуации. В то же время Молотов рекомендовал выступавшим в прессе и по радио работникам НКИДа пользоваться псевдонимами, чтобы предотвратить «нежелательные спекуляции иностранных дипломатов и журналистов»⁴⁷.

Телеграфное Агентство Советского Союза стремилось быстро реагировать на события, происходившие за рубежом, на недружественные действия в отношении СССР. ТАСС готовил для зарубежной аудитории специальные обзоры советской прессы, суммируя в комментариях и обзорах суждения по международным вопросам⁴⁸. В составе ТАСС функционировало так называемое «Радио московской/советской прессы» (с 1926 г. оно называлось «Всем, всем, всем»), которое вело свои передачи на французском языке. Оно, в частности, освещало события, прямо или косвенно касавшиеся СССР.

В то же время деятельность Редакции информации для заграницы (РИДЗ) ТАСС не была лишена и существенных недостатков. О них сообщалось, в частности, в докладной записке Пальгунова и Кружкова

---

⁴⁴ Гасюк. 1964. С. 62.

⁴⁵ Невежин. 2007. С. 280.

⁴⁶ Гасюк. 2008. С. 61-62. Подробнее об этом см.: Невежин. 2007.

⁴⁷ Новиков. 1989. С. 37.

⁴⁸ Гасюк. 1964. С. 64.

«Выводы об обследовании редакции информации для заграницы», направленной 14 декабря 1940 г. на имя Г.Ф. Александрова⁴⁹ и переадресованной А.А. Пузину⁵⁰. В документе, в частности, сообщалось, что почтовый материал, поступающий за границу, проходил с большим замедлением, поскольку неоднократно визировался представителями руководящего состава ТАСС. Вначале он попадал к одному из редакторов для обработки и визирования. Затем материал считывался и визировался заведующим сектором, заместителем заведующего редакцией и, наконец, заведующим редакцией. Завизированный четырехкратно русский текст затем поступал в переводческое бюро при телеграфной редакции. После перевода материал обрабатывался редактором переводов и, наконец, заместителем заведующего редакцией. Дважды завизировав его, последний отправлял готовый печатный материал в экспедицию. Таким образом, окончательная судьба документа, посылаемого за границу, находилась целиком в руках заместителя заведующего редакцией. Впрочем, имелось и одно преимущество: никакой цензуре Главлита переведенный материал не подвергался⁵¹.

Из общего количества передаваемых РИДЗ за границу, в адрес телеграфных агентств, информационных материалов 35% были посвящены вопросам международной жизни, положению в капиталистических странах, их внешней политике и т.д. РИДЗ передавал в сутки довольно ограниченное число сообщений: от 18 до 25-30-ти⁵². Пальгунов и Кружков высказали следующее суждение о качестве такого рода информации: она страдала отсутствием оригинальных текстов, «полученных ТАСС'ом от собственной заграничной корреспондентской сети». Эти оригинальные сообщения составляли лишь незначительную часть передаваемой по данному разделу информации. В большинстве же телеграммы на международные темы являлись своего рода «резэкспортом» информации, поступившей от иностранных, главным образом американских, телеграфных агентств, и пересказом сообщений иностранной печати⁵³.

Недостатки имелись и в работе Инорадио. О них, в частности, сообщал Д.З. Мануильский в докладной записке от 12 ноября 1940 г., адресованной А.А. Жданову⁵⁴. Поскольку в ЦК ВКП(б) намечалось обсуждение вопроса о радиовещании, Мануильский, как один из членов ИККИ,

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 10. Л.148.

⁵⁰ Там же. Л. 149.

⁵¹ Там же. Л. 156.

⁵² Там же. Л.151.

⁵³ Там же. Л.152.

⁵⁴ Там же. Д. 11. Лл. 64-76.

посчитал необходимым сообщить Жданову «некоторые соображения о работе Инорадио, имеющиеся у товарищей, работающих в аппарате Коминтерна и соприкасающихся с Инорадио». По сведениям, получаемым «от братских компартий и от заграничных слушателей», передачи Московского радио как по содержанию, так и по форме не соответствовали необходимым запросам и уровню зарубежной аудитории. При этом самым большим недостатком Инорадио был признан тот, что в его передачах с большим запозданием (до 2-3 дней) сообщалось о тех событиях, о которых до этого уже информировали иностранные радиостанции⁵⁵. В результате, зарубежные радиослушатели, параллельно систематически получая свежую информацию по военно-политической тематике из Лондона и Берлина, были вынуждены довольствоваться почти всегда уже устаревшими известиями, переданными из Москвы. По Инорадио передавалась лишь небольшая часть появлявшихся в советской печати сообщений о международных событиях, причем большинство из них не представляло никакого интереса. Значительный массив передаваемой Инорадио материалов имел ссылку на Германское Информационное Бюро (ДНБ); остальные официальные сообщения порой просто вычеркивались из программы радио. Московское Инорадио избегало передавать даже официальную информацию о важнейших международных событиях, опубликованную в советской печати⁵⁶.

Аналогичным образом, иностранный отдел газеты «Труд» с началом Второй мировой войны публиковал сводки с Западного фронта, стараясь соблюсти «объективность»: вначале давались сообщения английского и французского командования, а затем германского⁵⁷. В «Труде» также перепечатывались статьи из американского журнала «Нейшн», английского еженедельника «Нью стейтсмен энд нейшн». Однако с расширением боевых действий в Европе зарубежная пресса, из которой сотрудники иностранного отдела «Труда» могли черпать интересующие их материалы, приходила все с большим опозданием, разрозненно⁵⁸.

Для местной советской печати насущной проблемой являлся дефицит профессиональных работников. Несмотря на репрессии, в центральной печати к концу 1930-х гг. работали более квалифицированные работники, чем в местной. Поэтому в средствах массовой информации на местах порой выявлялись досадные недочеты, которым придавался большой политический смысл. Так, в газете «Колхозный призыв» (Кали-

---

⁵⁵ Там же. Л.64.

⁵⁶ Там же. Л.67-68.

⁵⁷ Шейнис. 1990. С.100.

⁵⁸ Там же. С. 113-114.

нинская область) 2 июня 1939 г. был напечатан переданный по каналам ТАСС доклад Молотова «О международном положении и внешней политике». При его перепечатке газета допустила грубейшее искажение. В докладе утверждалось, что, судя по некоторым признакам, советско-германские переговоры могут возобновиться, а газета «Колхозный призыв» ошибочно сообщала: «переговоры не могут возобновиться»⁵⁹.

В условиях «капиталистического окружения», идеологического противоборства между СССР и остальным миром Москва часто использовала в своей внешнеполитической пропаганде «газетные бои». К этому методу контрпропаганды она прибегла, например, осенью 1933 года, когда между Советским Союзом и Германией возникли трения по поводу освещения в советских средствах массовой информации Лейпцигского судебного процесса о поджоге рейхстага.

Усиление опасности на Дальнем Востоке со стороны Японии, которая открыто проводила милитаристскую политику, дало основание Сталину выступить с инициативой о начале «осмысленной» обработки «общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии». Эта «обработка» была невозможна без привлечения советских средств массовой информации. В своей телеграмме 21 октября 1933 г. Л.М. Кагановичу, находившемуся во время отпуска генсека на «партийном хозяйстве» в Москве, Сталин изложил следующую программу действий: «Надо развернуть это дело (антияпонскую печатную пропаганду – С.Е.) в “Правде”, “Известиях”. Надо использовать также ГИЗ (Государственное книжное издательство – С.Е.) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положительными сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны [...] Надо также напечатать в “Правде” “Путевые заметки по Японии и Корее” и вообще начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии»⁶⁰. Начиная с 26 октября, в газете «Правда» регулярно стали появляться материалы о Японии⁶¹. В дальнейшем, в связи с обострением советско-японских отношений по вопросу о продаже КВЖД, Сталин неоднократно давал указания о развертывании контркампании в ответ на японскую кампанию в печати, направленную против СССР⁶².

⁵⁹ Маркелов. 2004. С. 52.

⁶⁰ Сталин и Каганович. Переписка. Док. № 411.

⁶¹ Там же. С. 401, прим. 1.

⁶² Там же. Док. №451, 460.

Инициатива освещения в периодической печати тех или иных внешнеполитических акций СССР могла исходить не только от Сталина, но и от руководителей соответствующих идеологических структур. Так, 2 апреля 1936 г. заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б) Б.М. Таль в докладной записке на имя Сталина предлагал выступить «с разъяснением вопроса» о взаимной поддержке СССР и Монгольской Народной Республики в связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке. Таль считал целесообразным поместить на страницах центральных («Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «За индустриализацию»), а затем и региональных газет, статьи информационного характера. Тематически они должны быть, по мнению Талья, посвящены географическому положению МНР, повествовать о планах захвата этой страны японскими империалистами и возможности нападения через ее территорию на СССР. Таль считал, что такого рода статьи «можно было бы проредактировать и согласовать с НКВД»⁶³. Уже 4 апреля 1936 г. докладная записка Талья была положена в основу решения Политбюро «Об освещении в печати вопросов МНР»⁶⁴.

Одним из действенных методов, применявшихся в ходе регулярно проводившихся «газетных боев», была политическая карикатура на международные темы. Один из деятелей Коминтерна, Ф. Кон, в 1931 г. так определял политического карикатуриста: «Часовой. Вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»⁶⁵. Выступая на втором пленуме Оргкомитета ССП (12 февраля 1933 г.), накануне своего назначения полпредом в Испанию, А.В. Луначарский так определил задачи этого изобразительного жанра: «Карикатурой, сатирой, сарказмом мы должны бить врага, дезорганизовывать его. Унизить – если можем – в его собственных и, во всяком случае, в наших глазах, развенчать его святую, показывать, как он смешон». Никто не удивляется, если Б.Е. Ефимов или кто-либо другой из карикатуристов «в самые неожиданные положения ставит», например, британского политического деятеля Д.Р. Макдональда, хотя «в действительности он никогда таким не был. Но мы очень хорошо знаем, что это большая правда, чем самая лучшая фотография с Макдональда, потому что она этим искусственным положением, неправдоподобным положением выясняет внутреннюю правду больше, чем какой бы то ни было другой прием»⁶⁶. В 1930-е гг. полити-

⁶³ Большая цензура... Док. № 304.

⁶⁴ рГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1103. Л. 2.

⁶⁵ Цит. по: Лицо врага... С. 3.

⁶⁶ Между молотом и наковальней... 2010. С. 195.

ческая карикатура являлась действенным оружием в локальных «газетных боях», например, против нацистской Германии⁶⁷, а также накануне и в ходе «освободительных походов» Красной армии против Польши (1939) и «зимней войны» против Финляндии (1939—1940)⁶⁸.

Органы внешнеполитической пропаганды СССР зачастую обращались к заграничному опыту, накопленному в данной сфере. Так, летом 1939 г. была составлена справка «о демагогических приемах фашистской пропаганды». В ней прямо указывалось на необходимость принятия на вооружение не только официальными советскими пропагандистскими структурами, но и спецподразделениями Коминтерна отдельных форм пропаганды ведомства Й. Геббельса⁶⁹.

В упомянутой докладной записке Мануильского на имя Жданова от 12 декабря 1940 г. содержалось предложение об изучении, в целях совершенствования работы Инорадио, использования опыта иностранного радиовещания в Великобритании и Германии. Мануильский, в частности, сообщал, что англичане после начала войны вели передачи за рубеж на 25-ти языках. На одном только немецком языке из Лондона бывало ежедневно 8 передач продолжительностью от 15 до 30-ти минут каждая, на французском – 8 передач ежедневно. При этом английская радиостанция работала «на коротких волнах фактически непрерывно день и ночь». Что касается германского радио, иностранный отдел которого не уступал английскому, то его передачи вызывали у слушателей «впечатления непосредственных переживаний». Германское радио, как и английское, почти не использовало статей в своих передачах. Газетные же материалы цитировались в рамках хроники, кратких обзоров печати – в целях ведения полемики с иностранными радиопередачами, или когда речь шла об информировании радиослушателей относительно точки зрения германской прессы по какому-либо вопросу.

Мануильскому особенно импонировало то, что программа германского радио отличалась особенно наглядным и легко запоминающимся распределением передач. По фиксированным дням, в одно и то же время, одни и те же дикторы выступали по постоянному тематическому циклу. Так, передача под названием «Эхо Германии» давала в эфир преимущественно репортажи с фронта, с месторасположения зенитных батарей, с бортов судов. При этом ведущие старались «находиться с микрофонами на месте событий, т.е. как можно меньше в самой студии». Ежедневно предлагался обзор важнейших политических событий под заголовком

---

⁶⁷ Голубев. 2010. С. 85-105.

⁶⁸ Подробнее см.: Токарев. 2006; Невежин. 2007. С.162-163, 172-173-179, 195.

⁶⁹ Гасюк. 2008. С. 104-105.

«Информация о Германии». Каждые 2-3 дня по радио выступал представитель министерства пропаганды, ответственный за руководство германской прессой советник нацистского пропагандистского ведомства доктор Фриче, который предлагал обзор газет и радио продолжительностью 15 минут, полемизируя с иностранной печатью, излагая точки зрения, которые выдвигались германской стороной. Завершая свои суждения по данному вопросу, Мануильский подчеркивал: «Конечно, далеко не все то, что применяют в своих иностранных передачах зарубежные радиостанции, и в особенности радиостанции воюющих стран, может быть приемлемо для СССР. Но опыт заграничного инорадиовещания нужно изучать, чтобы найти свои, еще более удачные и эффективные формы и методы иностранного радиовещания»⁷⁰.

Рекомендации о содержании передач Инорадио на международные темы, изложенные в докладной записке Д.З. Мануильского на имя А.А. Жданова, сводились к следующим трем основным пунктам:

«1) Информационный материал должен редактироваться особенно тщательно и своевременно руководством Инорадио, исходя из получаемых им принципиальных установок, и немедленно вслед за этим сообщаться редакторам языковых секций.

2) Целесообразно отказаться от передачи информации, известной уже иностранному слушателю из прессы или радио в своей стране.

3) Необходимо подобрать для Инорадио высококвалифицированных специалистов-международников для составления еженедельных международных обзоров (по печати) с последующим утверждением этих обзоров директивными органами».

25 декабря 1940 г. Я.С. Хавинсон направил Г.Ф. Александрову докладную записку, в преамбуле которой говорилось: «В связи с ознакомлением Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с работой ТАСС, было бы целесообразным обсудить ряд предложений по организационным вопросам». Хавинсон предлагал определить место Телеграфного Агентства Советского Союза в системе советских организаций, занимающихся вопросами устной и печатной пропаганды. При ближайшем рассмотрении, разъяснял он, данный вопрос является частью проблемы создания централизованного и оперативного руководства пропагандой не только внутри СССР, но «и, главным образом⁷¹, за границей».

В данной связи он излагал известные ему сведения относительно организации внешнеполитических ведомств, в первую очередь, в Англии (Министерство информации) и в нацистской Германии (Имперское

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Лл. 68-72.

⁷¹ Подчеркнуто в тексте документа – С.Е.

министерство пропаганды, отдел печати имперского правительства). По мнению Я.С. Хавинсона, общим для них являлась: централизация дела пропаганды; объединение в одном центре оперативного руководства устной и печатной пропагандой, в том числе – отсылаемой за рубеж⁷².

К началу 1940-х гг., когда в СССР полностью сложилась система партийно-государственного управления страной вообще, и внешнеполитической пропагандой, в частности, были отложены механизмы принятия решений и проведения политических кампаний, способных в несколько недель мобилизовать огромные массы населения⁷³.

После подписания пакта о ненападении и договора о дружбе и границе с Германией и вплоть до начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе прошло несколько политико-идеологических кампаний, которые в первую очередь были направлены на поддержание и развитие курса Кремля на международной арене. В ходе этих кампаний сталинским режимом было инициировано сосредоточение внимания на определенной группе вопросов внутривнутриполитического (внешнеполитического) характера для достижения заранее определенных целей. Процесс этот в конкретных условиях конца 1930-х гг., когда в СССР уже существовала система тотальной пропаганды, осуществлялся путем активного воздействия на общественное сознание с помощью всех имеющихся политико-пропагандистских инструментов, начиная от устной агитации и кончая средствами массовой информации и печати.

Развертыванию политико-идеологической кампании, как правило, предшествовал начальный импульс, когда секретно или публично (в зависимости от ситуации) провозглашалась установка высшего партийно-политического руководства относительно ее характера и содержания.

Получив подобный «посыл сверху», органы политической пропаганды и агитации начинали проводить организационные мероприятия по перестройке своей работы в соответствии с полученными «руководящими указаниями». Затем в дело последовательно вступали высшее, среднее и низовое звенья пропагандистской структуры. Таким образом, как правило, осуществлялась начальная стадия политико-идеологической кампании. Второй этап ее заключался в непосредственном внедрении в общественное сознание тех или иных конкретных установок, сформулированных высшим политическим руководством страны и подхваченных агитацией и пропагандой. На этом этапе, как принято говорить, «идея овладевала массами» (или «масса овладевала идеей»).

---

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 31-32.

⁷³ Горяева. 2002. С. 14.

Такова общая модель осуществления политико-идеологической кампании, сложившаяся в СССР⁷⁴.

Выбор тех или иных форм пропагандистской активности, как правило, диктуется конкретными политическими условиями. В любом случае должна быть определенная отдача от пропагандистских усилий, которая отнюдь не всегда поддается точной оценке. Несмотря на некоторую условность, существуют определенные критерии эффективности пропаганды. Применительно к советской внешнеполитической пропаганде 1930-х гг. можно указать, по крайней мере, четыре источника, с помощью которых приблизительно определяется степень влияния ее на общественное сознание: 1) уровень печатаемости тех или иных пропагандистских материалов; 2) содержание писем-откликов на материалы внешнеполитической пропаганды, приходившие в вышестоящие инстанции или в редакции конкретных СМИ; 3) сводки настроений, составлявшихся органами НКВД, в которых фиксировались высказывания отдельных граждан; 4) дневники, переписка, мемуары современников и участников событий.

Оценка эффективности пропагандистской деятельности СССР в 1930-е гг. является важной и сложной задачей. Ясной картины о реальном влиянии советской информации на зарубежную аудиторию в 1930-е гг. нет, поэтому весьма проблематично восстановить полную картину.

В данной связи следует отметить, что отдельные попытки определения пропагандистской эффективности советской прессы в Германии предпринимались в 1940-1941 гг. советником полпредства А.А. Смирновым. Он завел следующий порядок: каждое утро делал для дипломатического состава краткий доклад о сообщениях немецкой и мировой печати. В первую очередь, преследовалась цель отслеживать и фиксировать реакцию германских СМИ на появлявшиеся в советской прессе статьи на международные темы⁷⁵.

Что касается степени печатаемости тассовских сообщений, то она даже в самое благоприятное время не превышала 15% от общего объема информации, посланных ТАСС за границу сообщений. Это было далеко не самым лучшим результатом, особенно в сравнении с соответствующими показателями таких зарубежных информационных агентств, как Юнайтед Пресс, Рейтер, Гавас, ДНБ. Однако руководство ТАСС в конце 1930-х гг. оставалось в неведении относительно результативности распространения его информационных материалов за границей.

---

⁷⁴ Гречухин. 1997. С. 172-173; Ушакова. 2001. С. 13-14; Невежин. 2007.

⁷⁵ Гасюк. 2008. С. 89.

Так, в упоминавшейся докладной записке В.С. Кружкова и Н.Г. Пальгунова «Выводы об обследовании редакции информации для заграницы» (14 декабря 1940 г.) прямо констатировалось, что РИДЗ «плохо осведомлена о количестве использованных материалов, посланных в ту или иную страну», поскольку «единственно верным источником такого рода сведений может быть только сообщение корреспондентов ТАСС'а». Последние, подчеркивали Кружков и Пальгунов, в большинстве своем не выполняли указаний руководства ТАСС об информировании своего руководства по этому вопросу; другие же просто не принимали активного участия в продвижении информации за границу.

По иностранным газетам о количестве опубликованных материалов судить было очень трудно, поскольку РИДЗ получала ограниченное количество газет (преимущественно центральных). Следовательно, замечали Кружков и Пальгунов, оставался не выясненным вопрос: публикуются ли эти материалы в зарубежных «провинциальных газетах». Например, в германской центральной прессе присланных по линии РИДЗ материалов не встречалось. Однако было установлено, что ДНБ их рассылал в провинцию, а германскими провинциальными газетами ТАСС не располагал. Берлинский же корреспондент Телеграфного Агентства СССР ничего не сообщал по этому вопросу⁷⁶.

Здесь следует отметить следующее: если бы даже было известно, что какие-то пропагандистские материалы, посланные по линии ТАСС, и публиковались в нацистской прессе, то вряд ли они вызвали бы эффект, на который рассчитывала Москва, поскольку между нацистским и советским режимами в тот период оставался непреодолимый политико-идеологический барьер.

Относительно писем, адресованных в СМИ отдельными гражданами, а также суждений на внешнеполитические темы, зафиксированных в сводках о настроениях, готовившихся органами НКВД, а также в источниках личного происхождения (в дневниках, переписке и в мемуарной литературе), то они довольно дискретны, и поэтому могут быть использованы лишь в качестве конкретных иллюстративных примеров.

Таким образом, система советской внешнеполитической пропаганды 1930-х гг. имела довольно сложный и многоступенчатый механизм функционирования. Основной ее задача – сбор, отбор и передача в Москву информации на международные темы – решалась главным образом при активном участии ИККИ, редакции иностранной информации ТАСС (РИДЗ), ВОКСа, Инорадио, Иностранной Комиссии ССП, сотрудников

---

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 154-155.

полпредств СССР и корреспондентов Телеграфного Агентства Советского Союза за границей. Большое внимание уделялось при этом отбору полученной из иностранных источников информации, которая проходила строгую предварительную цензуру соответствующих отделов, а с 1939 г. – Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отдела печати Народного комиссариата иностранных, сотрудников ИНО ТАСС.

Важнейшим этапом было распространение информации международного характера за границей и в СССР. Она передавалась по каналам ТАСС, Инорадио, путем публикации ее в советских СМИ. Ставилась задача распространения материалов о событиях в мире, направленных из Москвы за границу, в центральной и местной прессе зарубежных стран. Однако она являлась непосильной, и довольно трудно найти подтверждения того, что такие сообщения вообще печатались за границей.

В процессе отбора и передачи за рубеж информации на международные темы советские внешнеполитические ведомства встречались с такими затруднениями, как их излишняя бюрократизация, неоперативность, неспособность конкурировать с западными информационными агентствами в вопросе об эксклюзивности передаваемых сообщений. Эти недостатки руководители внешнеполитических пропагандистских структур (Инорадио, ТАСС) пытались устранять, обращаясь к зарубежному опыту. Особенно актуальным данный вопрос стал с началом Второй мировой войны, когда в СССР пытались использовать опыт Германии и Англии в деле организации внешнеполитической пропаганды.

Внешнеполитическая пропаганда активно использовалась в ходе разного рода локальных кампаний в СМИ, связанных с решением актуальных задач взаимоотношений с соседними государствами, в частности, в период их обострения («газетные бои»). Наконец, ее методы брались на вооружение в период проведения политико-пропагандистских кампаний сталинского руководства конца 1930-х – начала 1940-х гг., когда использовался весь накопленный опыт использования печатной пропаганды и устной агитации в конкретных политических целях.

БИБЛИОГРАФИЯ

РГАСПИ Ф.17. Оп. 3, 125, 162, 163.

Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов. 1917–1956. М.: Материк, Международный фонд «Демократия», 2005.

ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее. Исторический альманах. Т. 14. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993.

Всегда по эту сторону. Воспоминания о Викторе Кине. М.: Советский писатель. 1966.
Гасюк А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.). Дис...к.и.н. М., 2008.

- Гнедин Е. В наркоминделе. 1922–1939 // Память. Исторический сборник. М.; Париж, 1981–1982. Вып. № 5. С. 375-376.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002.
- Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. Т. 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М. АИРО-XXI, 2010.
- Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934 – 1941 гг. Дис...к.и.н. Саратов, 1997.
- Еремин С.В. Советская пресса и цензура в 20-е – 30-е годы (источниковедческий аспект) // Научные труды Нижневартковского государственного педагогического университета. Серия «История». Вып. 1. Нижневартковск, 1999. С. 125-135.
- Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. М.: Гос. воен. изд-во. 1931.
- Маркелов С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939—1941 гг. Дис...к.и.н. Омск, 2004.
- Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т.1. 1925 – июнь 1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Невежин В.А. «Если завтра в поход...Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: ЭКСМО, 2007.
- О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сент.
- Пальгунов Н.Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М.: Политиздат, 1964.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2001.
- СССР – Германия: 1933–1941. М.: Вестник Архива Президента РФ, 2009.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. М.: РОССПЭН, 2001.
- Токарев В. Польская тема (1939) за пределами «Правды». Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Polacy i rosjanie – przezwycięzanie uprzedzeń. Поляки и русские – преодоление предубеждений. Lodz, 2006.
- Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х — начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Автореферат дис...к.и.н. Новосибирск, 2001.
- Шейнис З.С. Перед нашествием: Из записной книжки 1939–1941 годов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98-118.
- Dullen S. Des homes d' influenses. Les ambassadeurs de Stalin en Europe 1930–1939. Paris: Payot, 2001.
- Еремин Сергей Владимирович**, специалист информационно-аналитического отдела Нижневартковского государственного гуманитарного университета; serjomin@mail.ru